

КУЛЬТУРНЫЙ СЦЕНАРИЙ «ЖИЗНЬ В ДЕРЕВЕНСКОЙ СЕМЬЕ»: ИЗ ОПЫТА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Анализируются понятия «жизненный сценарий» и «культурный сценарий», позволяющие провести лингвокультурологическое описание речевого взаимодействия носителей уральского городского просторечия. Тексты-разговоры записаны автором с помощью метода включенного наблюдения. Дается общая характеристика важнейших составляющих «культурного сценария», демонстрируется опыт описания хронотопа культурного сценария «Жизнь в деревенской семье».

Ключевые слова: лингвокультурология; просторечие; жизненный сценарий; культурный сценарий; хронотоп культурного сценария.

Изучение речевого взаимодействия носителей уральского городского просторечия как носителей культурных представлений и установок требует разработки лингвокультурологической методики. Исследовательским конструктом, с помощью которого можно осуществить моделирование ментальных состояний носителей культуры, является понятие «сценарий». Обратимся к научной интерпретации обозначенного опорного понятия.

В современной научной литературе понятие *сценарий* активно разрабатывается, но не всегда получает терминологическую однозначность. Так, термины *сценарий/когнитивный сценарий* включаются в понятийно-методологическую парадигму когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, страноведения и ряда других наук наряду с соотносительными понятиями «фрейм», «динамический фрейм», «концептосхема», «ситуативная модель». Например, К.А. Долинин, суммируя дополняющие друг друга определения обозначенных выше понятий, предлагает общую дефиницию: «...фрагмент знания о мире, организованный вокруг некоего понятия или типовой для данного социума ситуации и содержащий связанную с ними основную, типическую или потенциально возможную информацию, включающую сведения об обычном порядке протекания ситуации» [1. С. 9]. В самом общем виде *когнитивный сценарий* представляет собой ментальную схему, знание и понимание компонентов которой позволяет коммуникантам адекватно ориентироваться в общении, организовывать и прогнозировать собственное реальное или потенциальное поведение в соответствии с этой схемой. Согласно взглядам когнитивной лингвистики, сценарий, в отличие, например, от фрейма, характеризуется динамикой и хронотопом: это «стереотипные эпизоды, происходящие во времени и пространстве» [2. С. 191]; «фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов» [3. С. 74]. Сценарий позволяет упорядочивать сложные образования речевого и неречевого характера, представляя их как «стандартную последовательность событий» [4. С. 234]. По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, «типичная коммуникативная ситуация может быть уподоблена исполнению пьесы по заранее известному сценарию» [5. С. 15].

Идея сценарного моделирования может лежать в основе интерпретации текста. При этом осуществляется поиск ключевых слов и тематических сценарных структур, обуславливающих целостность текста [6–8]. Этот опыт стимулирует поиск ключевых слов, имен

концептов, характеризующихся способностью «раскручиваться» до определенного сценария (сценариев), потенциально его «режиссировать».

Не всегда четко дифференцируются понятия *когнитивный сценарий* и *культурный сценарий*. Не случайно А.Д. Шмелев в предисловии к работе А. Вежбицкой «Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики» отмечает, что термины *cognitive scenario* и *cultural scripts* следует разграничивать: в первом случае (*cognitive scenario*) речь идет о типичной ситуации, которой соответствует употребление определенного языкового выражения, тогда как термин *культурный сценарий* (*cultural scripts*) следует использовать для описания характерных для некоторой данной культуры правил поведения, представлений о том, что хорошо и что плохо, «культурных предписаний», «ценностных установок культуры» [9. С. 12]. Именно такой объем смыслов вкладывается А. Вежбицкой в понятие *культурно-обусловленный сценарий* – «внешнее выражение скрытой системы «культурных правил» [10. С. 159], или правил, регулирующих речевое поведение людей в определенных речевых событиях [11. С. 121].

Понятие «сценарий» имеет методологическую ценность для нашей работы. На материале диалогических текстов мы исследуем жизненный сценарий. Одна из концептуальных метафор, отражающих национальный образ мышления, – *жизнь есть путь, пространство* [12. С. 202]. Жизненный сценарий можно уподобить тому пути, который человек выстраивает в своем сознании в виде некоторой цепочки событий, событийных «вех», соотнося настоящее реальное с ретроспекцией и одновременно планируя обозримое будущее. Жизненный сценарий интерпретируется нами как совокупная целостность событий, действий, а также чувств, возникающих под влиянием событий, важных ценностных объектов. Жизненный сценарий закрепляется в сознании в виде идеальной ориентировочной модели, на которую человек опирается и которую пытается осуществить в реальности. Направленность анализа разговорного текста на выявление сказанного выше помогает преодолеть «давление» и хаос предметно-тематического многообразия, способствует фиксации ценностно значимых для коммуникантов культурных объектов, позволяет установить упорядоченность и логику принимаемого субъектом естественного хода жизни.

При анализе мы используем тексты-разговоры, записанные методом включенного наблюдения. Аудиозаписи были переведены в письменные тексты по методике, представленной в [13. С. 7–10]. В статье речевой материал используется демонстрационно. Комму-

никанты (далее они обозначены инициалами) являются носителями просторечия-1 [14. С. 56]: это пожилые горожане-уральцы, прошедшие первичную социализацию в деревенской культуре. Их биографии имеют примечательное сходство: совпадающая событийная канва (жизнь в родительской деревенской семье, вынужденный переезд в город, трудо- и бытоустройство в новом социокультурном пространстве, семейное строительство); общность ценностных ориентаций, избираемых при моделировании отношений в собственной семье и отношений с людьми ближнего круга и дальнего круга, сходство социокультурных предпочтений и оценок важных явлений общественной и личной жизни. Учет экстралингвистических факторов позволил выделить типовые событийные участки предельно общего жизненного сценария. Моделирование каждого типового участка является для нас одним из возможных способов систематизации жизненных представлений и этических ценностных установок носителей просторечной культуры. Оно также служит основанием адекватности и достоверности лингвокультурологической интерпретации исследуемой культурной (нравственной) реальности, ментальных состояний субъектов, носителей окультуренного сознания, создающих и «длящих» эту реальность.

Каждый типовой участок жизненного сценария воспроизводит реальные коммуникативные события и ситуации, происходившие/происходящие в жизни носителей просторечия-1 и получившие/получающие вербальную интерпретацию. Например, тексты-разговоры коммуникантов регулярно воспроизводят события, связанные с жизнью в родительской деревенской семье. Они могут быть объединены в культурный сценарий, получающий название «Жизнь в деревенской семье». Мы рассматриваем преимущественно события и ситуации, включающие этическую составляющую. Принимая во внимание такие существенные характеристики события, как «отнесенность к жизненному пространству», «динамичность» и «естественная «сценарность» [15. С. 181], интерпретируем события в аспекте социально-ролевых характеристик участников, их целей, способов, социальных норм и стандартов взаимодействия.

Под культурным сценарием мы понимаем вписанный в типичный хронотоп, динамически заданный, повторяющийся разворот определенного события, участниками которого каждый раз становятся разные лица, эксплицирующий жизненные представления, коммуникативно-этические нормы и ценностные установки носителей лингвокультурной общности.

Реализуемая в конкретных жизненных обстоятельствах линия развития события/цепочки событий осмысливается субъектами как *судьба*, т.е. 'доля', 'учесть', 'удел'.

Культурный сценарий извлекается нами из диалогического единства как текст. В процессе анализа выделяются определенные константы, без которых сценарий не может существовать:

1) субъекты речеповеденческих этических и иных действий как участники (активные агенты или свидетели) события, включенного в коммуникативную ситуацию;

2) хронотоп, т.е. пространственно-временной контекст жизнедеятельности субъектов;

3) событийно-фактологическая канва деятельности субъектов, прикрепленная к конкретной сфере жизни – семейной, трудовой, досуговой и др.

Остановимся подробнее на составляющих культурного сценария. Речевое поведение *субъектов* анализируется нами как социально-ролевое, т.е. с учетом реализуемых в общении ролевых функций. Коммуниканты предстают и как носители социального, полового, возрастного и т.п. статусов, носители ролевых прав и обязанностей [16. С. 181], определяющих их социально-этические позиции, и как носители этического сознания, наблюдающие, осмысляющие и оценивающие некое положение дел на основании принимаемых/отвергаемых в определенном языковом коллективе норм. Субъектная организация сценария позволяет выделить типы действующих субъектов. Каждый субъект идентифицирует себя как представитель определенной социокультурной группы. Так, например, можно говорить о ролевых позициях субъектов, выделяемых на основании осознания ими семейной идентичности (*отец, свекровь, невестка, сын, дочь*), социальной идентичности (*деревенские, городской житель, бедные*), профессиональной идентичности (*слесарь, шофер, нянечка, санитарка*), конфессиональной идентичности (*староверка, кержак, православный*), геолокальной идентичности (*курманские, асбестовские, гагарские, рединские*), этнической идентичности (*русский, украинец, хохол, немец, татарка, еврей, нерусь*) и др.

Извлеченные из диалогических фрагментов статусно-ролевые номинации и предикации субъектов группируются на основании обобщенной идентификационной формулы: **Имя (местоимение) + таксономический/характеризующий предикат**. Таксономический предикат выделяет лицо в границах какой-либо группы объектов, например социальной группы (*Ты ж деревенская; Сашка ваще превратился в божжа*), конфессиональной группы (*Мама староверка/кержачка была; Папа у нас атеист был*); гендерной (*Таська в молодости девка шибко завлекательная была*); социально-психологической (*Я жертва Великой Отечественной войны*) и др.

Характеризующий предикат несет в себе оценку, в том числе нравственную оценку субъекта и его действий как носителя того или иного статуса, роли и, следовательно, типа поведения, например: *Отец был хороший; У него (отца) были золотые руки; Бессовестная она (мачеха); Свекровь у меня добрая, преклонная; Мы с Толюнчиком (о себе и муже) хорошо живем* и др. Необходимо учитывать, что даже если дается общая оценка субъекта и его поступков, то она приобретает функцию оценки моральной, ибо «неспециализированная личность определяется прежде всего по совокупности нравственных качеств и норм поведения» [15. С. 79].

В отвлечении от линейного развертывания текстовых разговоров извлеченные из них предикаты (примеры представлены выше) могут быть описаны в виде семантически связанных парадигматических рядов, включающих таксономические имена; предикативно-характеризующие глагольные именованные физической/речевой деятельности. В сознании носителей лингвокультуры существуют, следовательно, ряды отбора типовых характеристикаторов.

Анализ дает возможность поставить вопрос, во-первых, о стандартных статусно-ролевых представлениях; во-вторых, выявить социокультурную идентичность субъектов, их вовлеченность в типовой культурный сценарий. По мнению лингвокультурологов, ответ на вопросы «Кто Я?» и «Кто Мы?» есть осмысление и означивание своей идентичности посредством естественного языка [17. С. 33]. Что значит «осмыслить и означить свою идентичность»? Означить свою социальную идентичность – значит «признать свое членство в социальной группе (или группах) вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству» [18. С. 210]. Означить свою социокультурную идентичность – значит, по нашему мнению, вербализуя ценностные предпочтения и знания о мире, себе и других людях, признавать и добровольно разделять с другими представления, установки, неписанные нормы и правила поведения, складывающиеся в той или иной общности (семейной, трудовой, дружеской и др.), ощущаемой как «свой круг». Формирование коллективной идентичности, по мнению Б. Гудкова, предполагает такую степень «субъективной интернализации традиций, обычаев и норм, когда действующий индивид уже не отделяет себя в определенном плане от группы, воспринимая нечто происходящее как имеющее отношение не к нему отдельно, а к определенному «мы» [19. С. 265].

Хронотоп, или пространственно-временные рамки, в которых «ограниются грани образа человека и его жизни, дается определенное освещение их» [20. С. 235], – органический параметр культурного сценария. Фило-софско-культурологический взгляд на пространство и время утверждает диалектическую взаимосвязь обозначенных категорий, служащих для характеристики всякого события, получающего культурный статус. «Пространство и время – важнейшие категории культуры, образующие систему координат, в рамках которой эта культура функционирует и развивается» [21. С. 52].

Жизненное событийное пространство естественным образом совмещается с пространством, которое вбирает в себя материальные предметы, «вмещает человека». Это пространство человек «осознает вокруг себя, <...> видит простирающимся перед ним» [22. С. 51].

Не менее важную культуросозидающую роль играет время. Так, темпоральная оппозиция *раньше* ↔ *теперь*, сквозь призму которой многие носители просторечия-1 осмысливают действительное положение дел в разных сферах жизнедеятельности, носит сквозной характер. Как уже отмечалось, все сущее в пространстве получает и временные координаты, имеет начало и конец. Время антропологично: оно маркирует переломные жизненные этапы человека – детство, юность, зрелость, старость [23. С. 80], в совокупной последовательности составляющие модель жизни человека. Время оценивается человеком субъективно: согласно закону эмоционально детерминированной оценки времени, переживаемая длительность отклоняется от объективного времени в сторону, обратную господствующей у субъекта направленности [24. С. 251].

Событийная канва заполняется, «ткется» действиями и процессами, которые «совершаются, происходят, случаются, развиваются, начинаются, завершаются», а

наиболее значимые из них «имеют последствия», «определяют ход дальнейшей жизни», становятся «зарубками» [15. С. 172–173] на жизненном пути субъектов. Порождаемые естественным ходом жизни события переживаются, преломляясь в гранях сознания субъектов, так или иначе маркируются, оцениваются ими, подвергаются рефлексии, откладываются в «образной памяти». Большинство событий «прессуется» временем, переходит в разряд фактов. Те из них, которые не выпадают из контекста частной и общественной жизни в силу своей значимости, формируют «эпистемическую память» субъекта. «Дление» образной и эпистемической памяти становится возможным благодаря возникающим и наличествующим в обыденном сознании индивидов представлениям и нормам.

На базе сценарного моделирования можно выявить вербализуемые в общении доминантные этические смыслы, регулирующие жизнедеятельность носителей культуры (в нашем случае – просторечной), описать этические представления и нравственно-ценностные установки, которые воспринимаются носителями культуры как конвенционально реализуемые нормы-заповеди, предписания. Культурные сценарии содержат прямые и косвенные обозначения ценностно значимых объектов, образующих понятийно-ценностное ядро культуры.

От общей характеристики культурного сценария перейдем к конкретному культурному сценарию «Жизнь в деревенской семье». Выделим для рассмотрения хронотоп. Реальным пространством, в границах которого разворачивается культурный сценарий, отраженный в собранных нами текстах, является Средний Урал, Свердловская область. Основные события жизни в деревенской семье привязаны к центральному локусу сценарного пространства – родной деревне коммуниканта, а также локусам, граничащим с ним, – близлежащим деревням, селам и городам поселкового типа. Локальные указатели (названия деревни, села, города) преимущественно эксплицированы именами собственными (реже нарицательными), функционирующими отдельно или в составе речевой формулы: *Гагарка, Брусяны, Курманка, Бобровка, Белоярка, село Курьи, город Богданович, деревня Каменка, в соседней деревне, мельзавод (с мельзавода)*. В отдельных случаях местоположение может конкретизироваться за счет конкретизации формулы наречием и/или именным сочетанием: *жили недалеко от Гагарки / в трех километрах от города Богдановича / рядом с мельзаводом*. Отметим также использование метонимических единиц, служащих для номинации жителей конкретного села / поселка / районного города или родственников-коммуникантов: *курманские, боярские* (о живущих в д. Курманке, Боярке), *асбестовские, мезенские, кашинские* (о родственниках, живущих в г. Асбесте, д. Мезенке, с. Кашино). Употребляются также согласованные и несогласованные атрибутивные образования, местоименно-предложные формы обозначения лица: *девка гагарская, парень из соседней деревни, (ходили в гости) к ней, к бабушке, к крестне*. Проиллюстрируем сказанное развернутыми примерами: *Мы жили в деревне Каменке //; Иногда ходили в гости в село Курьи / это Сухоложский район / ходили мы к баушкиной*

сестре //; Они (о дедушке с бабушкой) жили в соседней деревне недалеко от нас //; Отец Иван работал на железной дороге путеобходчиком / в трех километрах от города Богдановича //; Мы каждое лето с бабушкой ходили на (село) Троицы пешком / и надо было пройти мост / который на Сухой Лог // (А.Б.); Я родилась в Курманке //; Сено часто косили недалеко от Гагарки //; Парень курманский мог влюбиться в девушку гагарскую / и тогда драки были / деревня на деревню //; Гагарка к нам в клуб на танцы приходили // (Ф.П.); Наша деревня называлась Камышенки // (М.В.); А у меня в соседней деревне жила крестная / тоже уж бабушка // Бывало мы ходили к ней в гости // (З.А.).

Воспоминания-реплики коммуникантов позволяют смоделировать внутридеревенское пространство. Несмотря на относительно небольшую протяженность, пространство получает упорядоченность: оно может структурироваться улицами: В нашей деревне было три улицы // Главная улица Ленина / ее пересекала Проезжая / домов пять на ней стояло / вот наш дом тоже // (показывает) И вот так / улица Вайнера / от которой шла дорога в Гагарку // Ирка (о деревенской подруге) до сих пор живет Вайнера 7 // (Ф.П.). Выбор топонимов отражает исторический факт (главные на Урале улицы и в городе, и в деревне традиционно назывались в честь вождя революции В.И. Ленина, уральских революционеров, например Вайнера или получали функционально-значимое название).

В центральной/знаковой части пространства обычно сосредотачиваются важные локусы, семиотически закрепляющие места протекания общественно-культурной жизни: правление колхоза, клуб, магазин, детский сад, школа, церковь. Например: Вот помню в центре деревни было правление / наш колхоз назывался «К новой жизни» // Там голосовали / собрания разные проводили // Рядом клуб / весь в тополях был // Мы там сценки ставили / киномеханики кино крутили // (Ф.П.). Обстоятельственные номинации за околицей (околица – ‘край деревни’), рядом с деревней (окружающая деревню местность) часто разграничивают центральную и периферийную части деревенского пространства. На периферии располагаются объекты вспомогательного жизнеобеспечения, имеющие промышленное или сельскохозяйственное значение: бойня, скотный двор, конный двор, каменный карьер, колхозный сад, поле, месторождение белой глины, железная дорога, станция и др. Например: Када бабы возвращались с полей домой / пели проголосные песни //; Дедушка с бабушкой жили на бойне / где дедушка скот колхозный забивал //; Недалеко от нашего дома станция была проходящая // (А.Б.); Старший брат Борис после войны закончил горный институт / работал главным инженером на каменном карьере // У нас в деревне был каменный карьер / маневровые поезда ходили за щепенкой / за отсевом ходили для строительства //; В колхозном саду росли яблоны / смородина // Мы / ребяташки залезем туда // Воровали яблоки / потом сидим на скамейке / мичкаем // (Ф.П.).

Наряду с реальным пространством выделяется пространство психологическое. Оно связывается с субъективным восприятием коммуникантами того или иного объекта, их личностно-психологическими пережива-

ниями, оставляющими неизгладимый след в памяти. Так, оппозиция *свой – чужой* позволяет выделить свою территорию как социально и физически освоенное пространство, благоприятствующее социально-психологическому комфорту личности. Отношение к чужому пространству амбивалентно. Чужая территория осознается как пространство далекое, неизведанное, лишенное привычных социальных связей, а потому таящее в себе опасность; реже – как пространство, благоприятствующее личности. Ср: Отдали в няньки / в чужую деревню // Я там стоко поводилась / намотала соплей на кулак-от //; Мать грит / «Вот там / в соседней деревне семья есь / иди туда / она богатая деревня / и хлеб дают / и все» // Ну я пошла / меня приняли в колхоз // (А.И.). В приведенных примерах сигналами положительного/отрицательного отношения к чужому пространству являются социально маркированная речевая формула *намотать соплей на кулак*, т.е. ‘испытать много трудностей; много пережить’, частно-оценочные прилагательные *чужой, богатый*, заряженное положительной коннотацией высказывание *и хлеб дают*.

Психологическое пространство может означиваться детальным описанием локуса, получающим изобразительно-художественную нагрузку; глаголами движения *бежать, ползти, прижаться*; оценочными существительными и прилагательными *глухая деревня, глухомань*; фразеологизмами *на карачках, в горле пересохло, стою ни жива ни мертва*:

А.Б. Вот раньше ведь ни автобусов / ни трамваев не было / ходили пешком // <...> и надо было пройти мост / который на Сухой Лог / а мост был построен между шпал / и кругом дыры / дыры / дыры // А под мостом речка // И щас он наверно есть / а речка-то не знаю / есь иль нет // Дак бабушка идет по мосту / по шпалам / а я на четвереньках / со страхом ползу за ней / почти реву //; А однажды я с сестрой пошла на станцию огурцы продавать // Взяли мы с ней большой мешок или рюкзак / не помню // А я страшно боялась паровозов / ну чё мне там было / десять лет // Паровоз как чудовище для меня / пытит / кряхтит / а грохот такой // Меня сестра давай через шпалы переводить // А я к земле прижалась / и на карачках за ней / голову руками закрою (Показывает) // Пришли мы на место // И тут паровоз идет // У меня в горле пересохло / стою ни жива ни мертва // Тут-то кто-то из под меня мешок с огурцами и вытащил // С кого спрашивать / где искать? Пришли мы домой ни с чем / нам конечно сильно попало //

З.А. Я из такой глухой деревни / сорок километров от железной дороги / такая глухомань // Автобусы же раньше не ходили // Ну отец решил // В общем-то тут такое дело // В деревне-то никто не учился / кроме меня // В пятый класс надо было идти уже за семь километров // Вот я одна да еще один мальчик учился // Я и бегала // Ну в холода устраивали на квартиру / а как токо потеплеет / семь километров домой / семь километров в школу бегала / и ничё //

Итак, в культурном сценарии описание деревенской жизни имеет конкретно-фактическую локальную привязку, выражаемую топонимами и другими локальными указателями, которые выполняют преимущественно

номинативную и – реже – описательно-изобразительную функции. Поскольку локальные номинации в высказываниях коммуникантов с семантико-синтаксической точки зрения тесно связаны с темпоральными номинациями, перейдем к характеристике временных рамок сценария «Деревенская жизнь».

Жизнь коммуникантов в родительских деревенских семьях приходится на 20–50-е гг. прошлого века. Семейные хроники охватывают событийное (наполненное событиями) и несобытийное время (будни). Событийное время в зависимости от частной и социально-общественной жизни коммуникантов характеризуется несколькими особенностями. Первая особенность состоит в том, что событийное время имеет личностную значимость для членов семейного круга, своего круга: рождение детей и крестины, свадьбы, проводы в армию, болезнь и смерть близкого и др. Например, маркеры времени, в том числе формульные, регулярно включаются в повествования, сосредоточенные на описании событий: *Отец умер еще молодой / када ему было всего сорок лет // Однажды он поехал в какую-то деревню на починку техники / а оттуда его уже привезли на телеге // Ему было очень плохо / он даже говорить не мог и вскоре умер //*; *А када мне исполнилось девять лет / я пошла в школу // Мне щас-то уже 74 года / но я до сей поры помню свою первую учительницу // А звали ее Парасковья Долматовна //*; *В ноябре сорок восьмого у моей старшей сестры была свадьба //*; *В это же время появился младший брат с сестрой / нас уже было считай пять детей //*; *Вскоре родился Валерий / самый младший в нашей семье //* (А.Б.).

Избирательность индивидуальной памяти коммуниканта проявляется в отборе событий, отмечающихся количественно-качественным своеобразием. Так, на цикличность, повторяемость, а следовательно, запоминаемость событий указывают темпоральные сигналы соответствующей семантики: *всегда, каждое лето, зимой, летом, на Троицу, на Новый год, на праздники, по осени*. Например: *На Новый год папа из лесу всегда привозил елку // (Ф.П.); Мы каждое лето с баушкой ходили на Троицы пешком / в село соседнее в церковь ходили //* (А.Б.). Свойство памяти как психологического феномена проявляется также в запечатлении и сохранении ярких по силе чувственных образов – зрительных, слуховых, обонятельных, осязательных. Об этом свидетельствуют, например, сочетания *любоваться на игрушки, такое чудо, такая диковинка, было весело*. Так, в семном составе лексем *любоваться, диковинка, чудо, весело* манифестируются компоненты, обозначающие чувства и соответствующие реакции удовольствия, восхищения, удивления, радости: *А зимой / када наступал Новый год / у зажиточных людей елки детям ставили / а мы / шантрапа / ходили в окна к ним заглядывали / любовались на игрушки //*; *Летом в деревне весело было //*; *А еще помню / как к соседям однажды летом сын приехал / и привез с собой патефон // Он сам видать из городских был / сын-то / а то же где такое чудо взять // И поставили они этот патефон на подоконник / открыли окна / а это же ж для нас такая диковинка / особенно для ребят // И музыка так далеко-далеко слышна была //* (А.Б.). Подобные реакции свидетельствуют также об умении деревен-

ских жителей остро воспринимать объекты, довольствоваться малым. Многократно переживаемые коллективные (в данном случае речь идет о членах семьи) эмоциональные чувства удивления, удовлетворения, радости выполняют функцию интегративную, охватывающую хронотоп «своего круга».

В сознании коммуникантов живет память не только о событиях, но и об отдельных деталях, эпизодах детской жизни. Для нас важно, что они часто «ограничены» формирующимся этическим сознанием, дифференцирующим зло и добро (*какая она <...> злая была*), милосердие и жестокость (*так их жалко было*). Ср.:

А.Б. Нашей учительницей стала Елена Владимировна <...> // Да-а это / какая она рыжая и злая была // Она носила такую ярко-зеленую трикотажную кофточку / да еще и с галстуком // И помню / када она выйдет из себя / как стукнет ладошкой по столу / галстук ее так и подпрыгнет на груди // <...>;

Недалеко от нашего дома станция была // Наша станция была проходящая / и через нее шли составы на запас из Сибири / танки / машины / солдаты в товарных вагонах // Обрато всю войну ехали эвакуированные / санитарные поезда // Многие умирали по дороге // И у нас был построен сарай такой решетчатый / посмотришь в дырки / и все в сарае видать // И многие там лежали // Кто по дороге умерли / снятые с поезда / кто от ран скончался / кто от голода // Так их жалко было // <...>

Охарактеризуем вторую особенность событийного времени. В нарративах воспроизводится событийное историческое время: перелом эпох, Гражданская война, коллективизация, голод, раскулачивание, годы репрессий, Великая Отечественная война, разруха, восстановление хозяйства, социалистическое строительство. Прошедшее историческое определяет судьбу нескольких поколений. Коммуникант часто выступает здесь как носитель сознания целого поколения. Ср.: (внучке) *Какие же тяжелые дни пережило наше поколение // Щас этого никто не понимает / особенно нынешняя молодежь // И не дай вам Бог узнать / что такое война // Ну даже твои родители еще воспитывались в этом послевоенном духе // Ну / да ладно / все равно меня трудно понять //* (А.Б.); [Дед] *почти половину [детей] в войну потерял / много пережил //* (Б.Б.); *У меня роман / а не жись // Пережила и хорошее и плохое //* (В.И.); *Жись у нас не сахар была //* (Ф.П.) – *Нет / не сахар //* (З.А.). Частнооценочное прилагательное *тяжелый* в значении ‘трудный, требующий большого труда, больших усилий’, общеоценочные операторы *плохой, хороший*, метафора *не сахар*, квантор *много* в значении ‘в избытке’ указывают на качественно-количественные характеристики событий, а именно: жизненные испытания, выпавшие на долю коммуникантов. Идентификаторы *наше поколение, у нас* свидетельствуют о причастности судьбы отдельной деревенской семьи к общей судьбе поколения и страны. Социоцентрическое мироощущение эксплицируется также с помощью оппозиции *наше поколение / твои родители – нынешняя молодежь. Наше поколение – ‘люди, познавшие трудности военной и послевоенной жизни, перенесшие голод и нищету, потерявшие в годы Гражданской и Отечественной войн родных и близких,*

приспосабливающиеся к разным укладам жизни, но выдержавшие жизненные испытания'. Нынешнее поколение – 'люди, не прошедшие испытания войной и голодом'.

Позиции коммуникантов, рассказывающих о временах деревенской жизни, дифференцируются. Прошедшее событийное может осмысляться со стороны: отдельные эпизоды семейной хроники воспроизводятся со слов старших членов семьи или людей «своего» круга (по маминым рассказам; у тетушки поспрашивать / я не помню; у сестры надо спросить / она старше меня / а я маленькая была; брат Володя говорил; соседка вспомнила). Следующие примеры характеризуются сторонней точкой зрения относительно событий, связанных со старшими членами семьи: По рассказам близких отец кавалерист Красной Армии погиб в 1918 году, защищая Родину от белогвардейцев <...> (из письма В.В. Путину); Папа работал председателем колхоза // Как люди рассказывали / он отказался хлеб убирать раньше срока / его объявили врагом народа в 43-м / и отправили в штрафную роту // (Ф.П.); (внучка рассказывает о жизни старших родственников) Мама рассказывала плакала // Началось раскулачивание // Дед уехал куда-то в Сибирь // Бабка не поехала // Начался голод / жили они ужасно //; В тридцать седьмом начались эти нескончаемые ночи <...> Много забрали народа и очередь подходила за отцом //

В большинстве случаев повествование о событийном прошлом ведется от лица повествователя: я, мы (= я + другие). Коммуниканты являются непосредственными участниками событий, оставивших след в памяти. Сами события становятся обретением индивидуальной и коллективной культурной памяти. Ср.: Када я стала постарше / пришел к нам дед Антип из дальней Курьи // Мама обрадовалась / дед спросил / «Мария / куда лопотину деть?» // Мама повесила ее на вешалку / посадила его покормить // Маме-то все равно / какую ложку ему дать / а я думаю / надо посмотреть / какой ложкой он будет есть / уж я из той ложки никогда есть не буду // Дед был рыжий-рыжий / усы длинные // Думаю / вот будет елозить усами по ложке // (А.Б.); Война окончилась / мы плясали да ревели всей деревней / да чё (А.И.).

Отдельные события семейной хроники подвергаются табуизации по причине того, что психологически тяжело переживаются субъектом, имеют трагические для семьи последствия. Так, нежелание отца вспомнить о том, как он был объявлен врагом народа и отдан в штрафной батальон, воспринимается членами семейного круга с пониманием: они никогда и не обсуждают эту «болезненную» тему, осмысление которой пропускается через нравственно-эмоциональный контекст справедливости, охватывающий все темпоральные участки языкового существования: Папа не хотел говорить об этом и мы не спрашивали // Я так думаю / он страдал сильно / ведь это было так несправедливо // Он же как лучше хотел / многие деревенские это понимали / но боялись его поддержать // (Ф.П.).

Точка отсчета жизненного сценария коммуниканта начинается с момента рождения. Ср.: Я родилась в деревне до войны еще; Я Дружинина Мария Степановна / с 2-VIII 1925 г. / исполнилось 80 лет / стаж 42 года;

Уважаемый Владимир Владимирович // Пишет вам ветеран Великой Отечественной войны Майшева Пелагея Васильевна 1916 года рождения; Я сирота / родилась в 1942 г. / меня воспитали приемные родители / короче подобрали в лесу во время войны; нас 6 девочек высадили на этой станции. Я жертва войны <...> (из писем Президенту В.В. Путину); Родилась я в 1932 году / еще до Великой Отечественной войны //; В это время появился младший брат с сестрой // Нас уже было / считай / пять детей // Потом и еще один брат народился / Владислав // Это уже был 41-й год / 17-е июня / а 22-го июня началась война // (А.Б.); Я с 37-го года рождения // Можно сказать / дите военного времени // (З.С.).

Показательно, что в своих воспоминаниях коммуниканты нередко демонстрируют неразделимость личного и общественно-исторического планов бытия, их переплетенность в реальной жизни. «Маленький мир» «простого человека» наполнен отзвуками событий, «приметами» «большого мира» [25]. Вехи жизни человека часто маркируются крупными историческими событиями, наблюдается поглощенность личной судьбы судьбой страны.

Знаком-маркером, разделяющим жизнь людей, особенно преклонного возраста, на до и после, является Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Например, в речевую ткань повествования о поворотных семейных событиях (брат на войну пошел) и будничных событиях (картошка не выросла) нередко вплетаются темпоральные сигналы до войны, после войны, во время войны; военное время; в 41-м / када папа на Костю похоронку получил и под. Ср.: Потом закончилась война / время шло // В ноябре 48-го года / через три года после войны / у моей старшей сестры была свадьба; 43-й год был очень голодным // Дождливым был / а зима была суровой / вот картошка и не выросла / или ее затопило / не припомню уж // (А.Б.); Мама умерла в 41-м году / када папа на Костю похоронку получил // (Ф.П.).

Военное и послевоенное время – тяжелый этап в жизни деревенской семьи – воспринимается коммуникантами как преодоление физических и моральных тягот. Соответствующая семантика эксплицируется с помощью отдельных слов и словосочетаний: полуголодный, опухнуть, худая, износить здоровье, работа не женская, зубов нет, под страхом смерти и др. Приведем фрагмент из письма пенсионерки, проживающей в пос. Буланаш Свердловской обл., Президенту В.В. Путину (орфография и пунктуация автора сохранены):

<...> работала в колхозе всю войну за трудовни, кормить не кормили хлебом; В сорок четвертом году приняли в Райветличебницу вет-фельдшером, работа не женская все здоровье износила сейчас все суставы устали сердце болит после бруцеллеза, да и давление часто прыгает по всякому. Ноги плохо ходят.

Ср. также:

Ф.П. Папа после войны в одной гимнастерке ходил / полуголодный / зубов нет //;

А.Б. Помню даже / как с сестрой Ниной под страхом смерти ходили на колхозные поля и собирали прошлогоднюю картошку // И вот из этой картошки наша мать делала лепешки // Картошка была гнилая уже

/ но какие же вкусные были лепешки // Мобуть щас бы я и не стала их есть / но **тогда** это было лакомство / настоящий деликат[е]с //; **А однажды** он [отец] позвал меня пойти с ним на колхозное поле / **пособрать колоски** / **дело осенью было** // Мы ничё не нашли / **токо** отец опух сильно за эту дальнюю дорогу //;

А.И. Раньше на лесозаготовки посылали от колхозу / нужно / чтобы стоко-то человек послать / норму дадут / и стоко-то сделать // **А я так-то худая** / маленькая / **пи-лить-то я не умею** <...> ну потом постепенно / **постепенно** привыкла // **Вот зимой** в латтях по снегу / ну и **пеи-ком** наверх килОметров пять идти туда и обратно //

Лексемы *трудоdni, карточки, палочки, колоски, хлеб, (прошлогодня) картошка, (гнилая) лепешка* содержат идеологически обусловленное знание, «несомое словом как таковым – его внутренней формой, его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой» [5. С. 7]. Эти единицы, относящиеся к сфере конкретной бытовой лексики, характеризующиеся культурной спецификой, получают идеологические приращения: например, в 1930–1940-х гг. сбор колосков или выкапывание картошки квалифицировались как преступление, за это можно было подвергнуться суровым репрессиям. В диалогах употребляются отсылающие к этому времени сочетания *за колоски посадили; за мешок пшеницы три года дали*.

Слиянность голосов в общем хоре жизни, обобщенная точка зрения человека из народа на происходящее в военные и послевоенные годы передается посредством безличных глаголов, инфинитивных и неопределенно-личных конструкций, глаголов в обобщенном значении в составе речевых формул коллективности (*не купишь, ждатель (помощи), кормить (нечем), не хватало (рук), забрали (на фронт), забивали, продавали, ставили (палочки), ели, жили, умирали, есть-то хотелось, жить-то хотелось, всей деревней*. Ср.: *война ить / ничё не купишь; 43-й год был очень голодным; Своих-то мужиков на фронт забрали / от кого и помощи-то ждатель // Мужских рук по хозяйству не хватало; кормить стало нечем; скотину забивали / продавали / потому как и ее нечем кормить было; некоторые семьи от безысходности траву ели или сено / умирали / сено в кишки впиалось; есть-то хотелось, жить-то хотелось (А.Б.); В деревне же никаких денег не было / трудоdni / палочки ставили // (З.А.); Война началась / по карточкам жили (А.Б.)*.

Методика описания представлений и нормативно-ценностных установок, извлекаемых из культурных сценариев, позволяет выявить ценности просторечной культуры, разработать особую, качественно новую технологию портретирования человека из народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долинин К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи: Сб. науч. ст. Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. С. 7–13.
2. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. М.: Флинта, 2006. 416 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: Гнозис, 2003. 375 с.
5. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития страноведения: концепция речеповеденческих тактик. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1999. 84 с.
6. Актуальные проблемы современной лингвистики. М.: Флинта, 2006.
7. Катаева Н.М. Русский концепт *воля*: от словаря к тексту: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
8. Савельева Е.С. Когнитивно-семантический потенциал номинативных знаков родства и дружбы и его реализация в разных типах русского дискурса и языковом сознании носителей русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007.
9. Шмелев А.Д. Взаимодействие языка и культуры: от словаря до языкового облика морально-религиозной проповеди // Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 9–13.
10. Вежибицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
11. Вежибицкая А. Дискурс и культура // Жанры речи: Сб. науч. ст. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 118–156.
12. Орлова Н.В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка). Омск: Вариант-Омск, 2005. 266 с.
13. Живая речь уральского города: Тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 206 с.
14. Крысин Л.П. Просторечие // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 53–68.
15. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
16. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 272 с.
17. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурная концептология: принципы, функции, единицы // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов: Научная книга, 2005. С. 33–34.
18. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Академический проект, 1999. 320 с.
19. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: ВЦИОМ-А, 2004. 816 с.
20. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. С. 234–407.
21. Сафаров Э.Р. Особенности восприятия категорий пространства и времени в культуре кочевников и земледельцев // Проблемы города и культурной антропологии: история и современность (III Колосницинские чтения). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2006. С. 51–54.
22. Дмитриева О.Д. К проблеме исследования хронотопа: формы осмысления и обозначения пространства и времени в языке // Язык художественной литературы. Литературный язык: Сб. ст. Саратов: Научная книга, 2006. С. 50–57.
23. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, 2006. 296 с.
24. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
25. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Устный текст как источник социокультурной информации // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М.: Наука, 1996. С. 222–232.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 января 2009 г.